УДК 351/354

Мулляр Л.А.[1]

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье обосновано закономерное противоречие между «количеством» демократии в российской политической системе и её качеством; этатический «способ производства» власти показан как ключевой параметр российской политико-управленческой реальности; сделаны выводы о необходимости критического переосмысления исторической наследственности политико-управленческой самоорганизации российского общества как условии минимизации отчуждения в политико-управленческом процессе и формирования эффективной модели социально-политической упорядоченности.

Ключевые слова: социальная система, политико-управленческая реальность, бюрократическое отчуждение, демократия, социальная наследственность.

Mullar L.

POLITICAL AND MANAGERIAL METAMORPHOSES RUSSIAN REALITY

Abstract. The article substantiates the natural contradiction between the “quantity” of democracy in the Russian political system and its quality; the etatic “mode of production” of power is shown as a key parameter of the Russian political and administrative reality; Conclusions are drawn about the need for a critical rethinking of the historical heredity of the political and managerial self-organization of Russian society as a condition for minimizing alienation in the political and managerial process and forming an effective model of socio-political orderliness.

Keywords: social system, political and administrative reality, bureaucratic alienation, democracy, social heredity.

Обществу имманентно присуще стремление к возрастающей мере упорядоченности. Рост организованности социальной системы и развитие ее устойчивости взаимосвязаны, что находит отражение в степени эффективности политико-управленческой реальности социума как саморегулирующемся явлении («для-себя-бытие»).

Современная Россия заявила о своих претензиях переформатировать российский политико-управленческий конструкт. Но, к сожалению, пока наблюдается лишь «количественный» рост демократии, который не позволяет достичь состояния разумно осуществляемого политического плюрализма как фактора развития, а не разложения («моноплюрализм» – интересный термин Н.А. Бердяева) [1]. Сама политическая активность в «обыкновенных частных отношениях» [2] не достигает еще той значимости, которая была бы общечеловеческой, т.е. обеспечивающей гуманизацию управленческого прогресса.

В исследовании политической реальности традиционно выделяют два типа задач:

1. выявление конкретных историко-культурных факторов как комплекса детерминант, формирующих социально-политический облик общества;

2. анализ способов бытия политики.

Рассмотрим первую задачу. Совершенно очевидно, что «историзация» общественного сознания, т.е. теоретическое осмысление эво-

[1] *Мулляр Лилия Анатольевна*, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС, г. Пятигорск, e-mail: mullyar@mail.ru
Lilia Mullyar, Doctor of Philosophy, Professor, Department of History, Law and Humanities, the North Caucasus institute of RANEPA, Pyatigorsk, e-mail: mullyar@mail.ru

люционного опыта, импликативно как методологический подход к определению политико-управленческих конфигураций с позиций когнитивной диады:

– распредмечивание содержания исторических моделей политико-управленческой реальности;

– осмысление сущностных особенностей политико-управленческой реальности.

В нашей социальной наследственности наличествуют модели политико-управленческой самоорганизации, которые содержательно и сущностно во многом предопределяют социально-политический облик современной российской государственности.

По своим ключевым параметрам история России есть история этатического «способа производства» власти. Формируясь изначально как многонациональная в бескрайних просторах между Европой и Азией, российская государственность выступала в качестве смыслоопределителя, стержня, на котором и держалась социальная общность.

В Киевской Руси (IX–XП вв.) общественная власть имела частно-правный характер в течение всего периода. Осознание общественной роли власти проявляется с самого начала истории. «Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да поедете княжить и володети нами», – говорили новгородские послы варяжским князьям. Таким образом, за властью признается и закрепляется обязанность наведения порядка, обеспечения стабильности, обуздание сословно-эгоистических интересов.

Географическая беспредельность обусловила быстрый территориальный рост в сочетании с активной самоколонизацией, т.е. поглощением сопредельных территорий с живущими на них народами. Такое государственное образование трудноконтролируемо, и поэтому объективируется потребность в сильном единоличном правлении из единого центра. Эффект усиливался прецедентами Хазарского каганата и Византийской традиции. Княжение восприняло и положило в свою основу монархический принцип / элемент власти: князь обладал законотворческой и законодательной инициативой, был гарантом внутреннего порядка, уравновешивая соперничество кровнородственных и территориальных компонентов государства. Он также организовывал внешнюю защиту государства. Первоначальная неограниченность княжеской власти возникла из прежних родовых оснований: семья – отец, род – князь и из эквивалентности потребности и воли князя править, а народа подчиняться. Интересно, что постоянная борьба в землях против своих князей, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова [3], означает не борьбу против княжеской власти, а стремление отыскать наилучшего, самого заботливого князя.

Дальнейшее территориальное «разбухание», долгое и глубокое вассальное подчинение монголо-татарам окончательно определили приоритет Восточной модели управления и в следующих исторических периодах.

В Московской Руси – России (XV–XVП вв.) монарх титулован как Великий князь Московский Государь Всея Руси. Причем присутствие термина «государь» в публичном праве того времени означало неограниченную власть – единодержавие. Далее князь приобретает статус царя и усиливает монархические позиции. Сословно-представительная монархия постепенно движется в направлении абсолютизации.

Известно, что характер и механизм осуществления власти – важнейшие показатели состояния политической реальности. В условиях российского монархизма укореняется практически беспредельная преданность граждан политико-управленческой системе: не столько из страха, сколько из внутренней веры. Парадокс состоит в том, что такая преданность, отношение к царю как к батюшке, отцу достигается жестким контролем, граничащим с насилием (опричнина) над любой формой свободомыслия до тех пор, пока принуждение не перерастет в восторг и убеждение. Особенность российского монархизма заключается в его способности превращать массы людей не просто в подданных, а именно в послушных и убежденных в правоте такого порядка подданных. Люди сливаются с властью и идентифицируются с царями.

Петербургская Русь – Россия (XVIII – начало XX в.) доводит монархизм до состояния

абсолютизации. Власть существует в интересах государства и для государства. Неограниченность власти законодательно закреплена. В Воинских артикулах Петра I читаем: «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчет дать не должен». Патриархально-вотчинные основы ее не исчезли вовсе, а были органично вплетены в новую государственную идеологию. Достаточно вспомнить теорию Н. Карамзина – С. Уварова об «официальной народности».

Любые попытки ограничить самодержавие не умели успеха (разорваны кондиции Верховного тайного совета Анной Иоановной, Александр I отказался от идеи М. Сперанского о Государственной Думе) вплоть до I русской революции, которая попросту вынудила Николая II на подобие демократических начинаний самой верховной властью. Но даже предсказуемая и послушная Государственная Дума раздражала царя. И он дважды ее распускал.

Итак, царское / императорское самодержавие всемерно укрепляло авторитарные методы правления, а институт власти стал ярким образцом азиатской деспотии в российском варианте: социальный и политический монизм; правление человека, а не закона; властный произвол; условность частной собственности для большинства населения; отсутствие уважения индивидуальности.

Возникшее на обломках Российской империи советское государство взяло на себя ту же роль имперских по сути структур в форме партократии и продолжило этатические традиции. Сталинский тоталитаризм был возможен потому, что опирался на глубинные традиции российского менталитета: вековая привычка к примитивному коллективизму – общинности – с его круговой порукой, соборность (в данном случае вокруг компартии), вера в харизматического партийного лидера.

В современной России предпринимаются смелые, порой отчаянные попытки демократизации власти. Но отношение к президенту как к царю-заступнику изживается весьма непросто. Кроме того, есть проблема феномена «эффекта реальности», т.е. видимости включения субъекта в управление социумом через представительные органы. В сознании субъекта создается фундаментальный «перевертыш»: политическая иллюзия превращения субъекта в соучастника политических событий и творца политической самоорганизации. Основными психологическими механизмами ситуации выступают: внушение заданных политических ценностей, эмпатия по отношению к власти, уподобление. И это есть результат отсутствия сколько-нибудь серьезного опыта управления в истинно демократических условиях, многовековой «монархической привычки» жить в состоянии бюрократического отчуждения. Теоретически именно в системе управления предполагается сознательное, целенаправленное регулирование отношений, примирение противоположных интересов внутри социума. Именно в сфере управления общество выступает как социальное целое (самоуправляющаяся тотальность), а человек становится субъектом, осознающим и осуществляющим свои потребности. Практически в условиях господства социальной неоднородности властная компонента всеобщего обособляется в систему социального управления, где «в обыкновенных частных отношениях» (Г. Гегель) управленческий акт не достигает той значимости, которая была бы общечеловеческой, т.е. обеспечивающей гуманистический прогресс.

Исторический опыт свидетельствует, что бюрократическая организация универсальна и её приспособляемость к различным социально-экономическим эпохам и культурным средам поразительна. К началу XX века отмечалась наибольшая плотность бюрократии в России. Считалось, что на чиновничьем поприще легче выслуживаться и быстрее получить награду. Чиновники, служившие в канцеляриях губернаторов, в губернском правлении, в губернских присутствиях, являлись агентами правительственной власти и составляли особую «касту» служащих, которая жила особенной жизнью, считала себя выше остального общества, которому была чужда и даже враждебна. В среде этих людей постоянно поддерживалось чувство ложного честолюбия, жажда к повышению по службе любой ценой. Глава местной администрации

– губернатор – был необходимым представителем правительственного механизма, «блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия и предписаний начальства». Власть губернатора постоянно возрастала (особенно полицейские функции), и в начале XX века он стал «настоящим сатрапом», от милости которого зависело существование как любого учреждения, так и любого лица губернии. А всегда и везде, где гипертрофирована роль людей, составляющих управленческий аппарат и представляющих собой особую социальную группу, происходят деформации социума, особенно принимая во внимание организованность, повышенную эластичность и подвижность чиновничьего организма, а также непосредственную кровную заинтересованность его в сохранении своего элитарного положения.

От этого не застраховано и современное российское общество, в особенности в связи с тем, что находится в переходном состоянии. Кроме того, в современной России сохраняется приоритетная роль и значимость распределительных отношений (транши и субсидии из федерального центра) над интересами непосредственных участников процесса общественного производства (субъекты федерации). Государственное управление как социально организованная власть выступает концентрированным выражением воли и интересов определённой экономически стабильной социальной группы, тем самым создаёт условия для формирования бюрократического отчуждения, превращая власть из средства в цель.

Характерной особенностью российского общественного устройства являлась и остаётся этакратичность, при которой доминантами выступают административно-бюрократические структуры. Контроль над созданием, распределением и потреблением общественных благ сосредоточен в руках людей, исполняющих аппаратно-управленческие функции. Основным критерием социального положения человека становится степень принадлежности чиновничьему аппарату, легальные или нелегальные возможности получения благ приоритетно по отношению к другим социальным группам. Таким образом, происходит отрыв сверхцентрализованной исполнительной власти от воли социального большинства: чиновник через данные ему государством, организацией функции отстраняет конкретного субъекта от участия в делах государства, учреждения. Он отделяет и противопоставляет работнику результат его экономического, политического и духовного творчества, тем самым среднестатистический гражданин (в том числе, и по вертикали власти) оказывается в положении просителя, а вышестоящий чиновник – в положении благодателя (даже при наличии демократической выборной власти). Когда такая система отношений является единственным источником удовлетворения социально-экономических и духовно-нравственных потребностей граждан, то возникает мощный стимул для упрочения управленческих функций и открывается перспектива аппаратного произвола. Неизбежно формирование бюрократического способа производства, а бюрократическое отчуждение естественным образом становится его сердцем, ядром.

Консервация общественных отношений, абсолютизация государственной власти, не приумножение государственного позитива, а только воспроизведение функций аппаратно-административных структур – следствия бюрократического отчуждения. Какие же пути оптимизации с перспективой минимизировать отчуждение в управлении возможны?

Существенно было бы сузить проявления отчуждения в процедурах реализации исполнительных функций управления посредством повышения уровня этической культуры чиновников. Очевидно следует предпринять нормативные усилия по ликвидации бюрократической монополии на социально-экономическую информацию и отменить какие бы то ни было социальные льготы и привилегии для управленческого аппарата. Действенно может быть перманентное повышение уровня профессионализма в управлении. И, наконец, необходимо закрепить и абсолютизировать принцип ротации кадров в управленческом аппарате, т.е. исключить пожизненный доступ к общественным благам. В целом, при расширении поля демократии и превращении народовластия из демагогического принципа

в подлинный механизм власти бюрократия не сможет заполнить собой всё и вся, а государственные служащие вернутся в рамки своей изначальной истинной роли – «слуга народа».

Политические «привычки» живучи. Избавление от них – процесс длительный и болезненный. Чтобы он динамично развивался, он должен быть прежде осознан. Поэтому именно критическое переосмысление истории политико-управленческой самоорганизации России способно облегчить вхождение в проблему. В этом случае можно надеяться, что «количественный» рост демократии диалектически трансформируется в ее подлинное качество.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Мысль; 1990.
2. Гегель Г. Ф.В. Философия права. М.: Наука; 1976.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Рн/Д.: Феникс; 1995.